РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)

16–17 февраля 2015 г.
Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель 12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» 16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) .. 21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного 48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014) 59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа 67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы 77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии 86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного 95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв. 112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке 121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг. 121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен» 123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения 124
Б. Кумеков. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного 125
В. В. Трепавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник» 125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология 126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного 127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка 128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъявительного наклонения в монгольском языке 134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин 138
Р. М. Валеев, О. Д. Василюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв. 153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции 160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго 167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже 178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев 186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов *отуз-татар* и *токуз-татар* древнетюркских рунических текстов 195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания) 205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана 216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры *ажо* и *иди* енисейских и алтайских кыргызов 229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West 238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам 247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима) 257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г. 266
Список авторов статей и выступлений 268

Д. М. Тимохин

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НАЧАЛА МОНГОЛО–ХОРЕЗМИЙСКОЙ ВОЙНЫ (1219–1221 ГГ.) ПО АРАБО–ПЕРСИДСКИМ ИСТОЧНИКАМ[1]

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает причины начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.), которые выделяют средневековые арабо-персидские авторы в своих сочинениях. Эти причины подробно анализируются, автор выделяет те из них, которые арабо-персидские историки считали основными, и те, которые можно признать второстепенными. Кроме того, автор указывает и дискуссионные моменты: в частности, подробно разбирается «Отрарский инцидент» и возможное посольство халифа ан-Насира к монголам.*

Ключевые слова: *Хорезм, монголы, Чингиз-хан, Ала ад-Дин Мухаммад, Отрар,* ан-*Насир*

В рамках этой статьи нам хотелось бы остановиться на выявлении причин монголо-хорезмийской войны, которая началась в 1219 г. вторжением войск Чингиз-хана в земли Хорасана и Мавераннахра, а закончилась окончательным уничтожением последнего очага хорезмийского сопротивления в битве на реке Инд в 1221 г. и гибелью этого государства. Причины данного военного столкновения следует искать в той политике, которую проводил Чингиз-хан как непосредственно в отношении Хорезмийского государства, так и в отношении его соседей. Кроме того, внутренняя и внешняя политика самого правителя Хорезма, Ала ад-Дина Мухаммада, во многом предопределила начало войны, которая в свою очередь приведет к уничтожению его державы. Не последнюю роль в развязывании этой войны сыграют и политические противники хорезмшаха, прежде всего, исмаилиты Аламута и багдадский халиф ан-Насир, о чем подробно сообщают средневековые историки, писавшие о монгольском нашествии на территорию Центральной Азии и Ирана. Наибольший массив информации относительно причин монголо-хорезмийской войны содержится в арабо-персидских исторических источниках. Авторы этих памятников не только уделяют внимание хорошо известным современным ученым причинам столкновения, например «Отрарскому инциденту», но и в ряде случаев предлагают вниманию исследователей некоторые «малоизвестные» факты, которые в свою очередь могли бы стать причиной войны, в частности по-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00020.

сольство халифа ан-Насира к Чингиз-хану. Наконец, хотелось бы указать на ком, по мнению средневековых арабо-персидских историков, в большей степени лежит «ответственность» за начало данной войны и ее последствий. Таким образом, в своей статье мы, прежде всего, сосредоточимся на систематизации и анализе всех возможных причин монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., на основании информации из существующего корпуса арабо-персидских источников о монгольском нашествии на территорию государства хорезмшахов-Ануштегинидов.

В рамках данного исследования нами была привлечена информация из следующих исторических памятников, которые содержат наибольшей объем сведений по интересующей нас проблематике. Из наиболее ранних трудов следует упомянуть исторические сочинения Ибн ал-Асира «Полный свод истории» [Ибн ал-Асир 2006; Al-Asir ibn 1849–1850], Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» [Ан-Насави 1973; An-Nasavi 1945; un-Nesevi 1934] и труд Джузджани «Насировы разряды» [Джузджани 2010; Djuzdjani 1960]. Из более поздних исторических источников здесь следует отметить «Историю Миропокорителя» Джувейни [Джувейни 2004, Djuveini 1959], а также труды Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 2002], Хамдаллаха Казвини [Kazvini 1903; Kazvini 1960], Мирхонда [Mirhond 1840; Mirhond 1841], Хондемира [Khondamir 1954] и Абу-л-Гази Бахадур-Хана [Histoire des Mogols 1874]. Именно на базе упомянутых выше исторических сочинений мы и попытаемся указать комплекс причин, приведших к монголо-хорезмийской войне 1219–1221 гг.

Прежде всего, обозначим те причины войны, которые связаны с политической деятельностью хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и его приближенных. В этом случае речь пойдет об «Отрарском инциденте», посольстве Ибн Кафраджа Богра и сражении на Тургайской равнине, которое само по себе и не являясь, возможно, причиной войны, но тем не менее подтолкнуло обе стороны к военным действиям. Несмотря на то, что большинство арабо-персидских средневековых историков считают именно «Отрарский инцидент», а именно уничтожение купеческого каравана, посланного Чингиз-ханом в пределы хорезмийской державы, главной причиной будущей войны вокруг него сохраняется до сих пор некий ореол таинственности. Прежде всего, нет ясности с тем, кто же именно отдал приказ об убийстве купцов данного каравана: Ибн ал-Асир указывает на хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада [Ибн ал-Асир 2006, с. 348; Джувейни 2004, с. 258], а в другом раннем памятнике, труде ан-Насави, виновником данного убийства становится Инал-хан, наместник Отрара, уничтоживший караван по собственной инициативе. В последней версии хорезмшах Ала

ад-Дин Мухаммад отдает приказ лишь об аресте каравана, а Инал-хан предпочитает более радикальные средства [Ан-Насави 1973, с. 79].

В более поздних исторических сочинениях утвердилась точка зрения Ибн ал-Асира [Khondamir 1954, s. 648] с некоторыми интересными дополнениями, которые можно увидеть, например, в труде Джувейни. «Когда процессия прибыла в Отрар, правителем того города был некий Инальчик, который являлся родственником матери султана, Теркен-хатун, и получил титул Гаир-хан. А среди купцов был индус, знавший правителя в прежние времена. И он обратился к нему, назвав его просто Инальчик; и гордясь силой и могуществом своего хана, он не показывал страха перед ним, но и не стремился получить для себя выгоду. Это смутило Гаир-хана и вызвало у него досаду; к тому же он пожелал захватить их добро. Поэтому он поместил их под стражу и направил посыльного в Ирак сообщить о них султану. Не раздумывая долго, султан разрешил пролить их кровь и признал захват их товаров законным, не зная, что его собственная жизнь вскоре станет противозаконной и, более того, преступной и что птица его удачи потеряет перья и лишится крыльев» [Джувейни 2004, с. 52].

Так или иначе, ни один из арабо-персидских историков не дает исчерпывающего ответа на вопрос, что же подтолкнуло хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и наместника Отрара, Инал-хана, к такому поступку, который в свою очередь фактически развязывал войну между хорезмийской державой и монгольской империей. Безусловно, купцы этого каравана и входившие в его состав монголы обладали денежными средствами, предоставленными им самим Чингиз-ханом, чтобы «отправится в земли Хорезмшаха, заняться там торговлей и приобрести редкие и ценные товары того края» [Рашид ад-Дин 2002, т. 1, с. 188]. То, что имущество указанного каравана было немедленно разграблено после совершенного убийства [Ан-Насави 1973, с. 79] должно было бы укрепить нас в уверенности в том, что причиной всему стала жадность хорезмшаха и его наместника. Однако в описании этого события у ан-Насави есть одна деталь, которая ставит под сомнение изложенную выше версию: средневековый историк указывает на то, что поведение участников каравана мало походило на поведение обычных торговцев. «Когда они уединяются с кем-то из простонародья, они угрожают ему и говорят: “Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро вы увидите такое, что никто из вас раньше не видел”. И далее в таком духе» [Ан-Насави 1973, с. 79].

Безусловно, агитация среди местного населения и возможный шпионаж являются гораздо более весомой причиной для уничтожения целого каравана, однако сведения о подобных действиях купцов не получили

распространения в других арабо-персидских исторических сочинениях. Однако в рамках современной историографии монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана такая точка зрения нашла свое отражение, и исследователи видят причину произошедших событий вовсе не в жадности и недальновидности Ала ад-Дина Мухаммада или Инал-хана. «Объяснение этому надо искать именно в необычном составе и необычном поведении людей этого каравана» [Петрушевский 1977, с. 114]. При этом окончательно доказать данную точку зрения, опираясь лишь на труд ан-Насави и косвенные свидетельства из других памятников, не представляется возможным, что позволяет считать до сих пор «Отрарский инцидент» одним из загадочных событий в истории хорезмийского государства.

После событий, произошедших в Отраре, Чингиз-хан отправляет к Ала ад-Дину Мухаммаду посольство во главе с Ибн Кафраджем Богрой, судьба которого станет еще одной причиной к войне между Хорезмом и монголами. «Чингиз-хан направил послов к султану, передал ему послание, в котором (говорилось, что) наместник Отрара из-за опасной недальновидности совершил вероломный поступок по отношению к купцам, и обязанность султана его (Инал-хана) ему (Чингиз-хану) передать. Султан, из-за этих речей послов, приказал их убить»[1] [Mirhond 1841, s. 73]. Ан-Насави приводит подробное содержание этого послания, в котором Чингиз-хан требует выдачи Инал-хана, угрожая в противном случае войной. «Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность для купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана ислама еще более! И если ты утверждаешь, что совершенное Иналом сделано не по твоему велению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление и помешали кровопролитию. А в противном случае — война, в которой самые дорогие души станут дешевы и древки копий преломятся» [Ан-Насави 1973, с. 79–80].

В этом случае поведение Ала ад-Дина Мухаммада вполне объяснимо тем, что Инал-хан был родственником Теркен-хатун, матери хорезмшаха, а также «большая часть войск и эмиры высоких рангов были из его родни» [Ан-Насави 1973, с. 80]. Таким образом, выдача его монголам означала бы немедленный бунт в самих владениях хорезмшаха, который вполне мог стоить ему власти, да и сам по себе факт передачи Инал-хана Чингиз-хану мог вовсе не означать немедленной ликвидации напряженности в отношениях с монгольской державой и быть гарантом предотвращения войны. К действиям хорезмшаха в отношении посольства Ибн Кафраджа Богра, по-

[1] Здесь и далее перевод на русский язык Д. М. Тимохина.

мимо невозможности выполнить условий, предъявленных Чингиз-ханом, могли подтолкнуть и менее значимые факторы. Некоторые исследователи считают, что монгольский правитель Чингиз-хан «назначил главой посольства старого подчиненного Мухаммада, который его (Мухаммада) покинул и ему изменил. Это должно было стать провокацией… Партия войны, несомненно, легко воздействовала на колеблющегося шаха. Глава посольства был казнен, его монгольские компаньоны доставлены к границе с головами и бородами бесчестно обритыми» [Barckhausen 1935, p. 113].

Сражение на Тургайской равнине между монгольским корпусом под командованием Джучи-хана и армией Ала ад-Дина Мухаммада следует признать, если и не причиной последующей войны, то, как минимум, фактором, подтолкнувшим обе державы к военному столкновению. «Храбрецы двух армий развлекались, используя мечи и кинжалы, и с обеих стороны беспредельная отвага и мужество были продемонстрированы. В свою очередь монгольское войско стало побеждать, центр войска хорезмшаха начал отступать, но султан Джалал ад-Дин Манкбурны с правого фланга, где он стоял, на неверных татар ударил, его усилиями наступил порядок, и он не допустил, чтобы руки людей Чингиз-хана овладели мусульманами. И когда, по причине захода солнца, наступила темнота, монгольское войско в своем лагере зажгло множество огней, а (сами) отправились в Орду Чингиз-хана. (Они) рассказали обстоятельства инцидента, воспламенили пламя ярости хана и по (этой причине) легкие колебания, которые ранее были многочисленными, (исчезли) и по причине гнева и злобы он приказал отправиться в сторону Мавераннахра» [Khondamir 1954, s. 649–650].

С одной стороны, это сражение, которое едва не обернулось поражением хорезмийской армии, привело в ужас и оставило неизгладимый след в памяти Ала ад-Дина Мухаммада, если верить информации из арабо-персидских источников. «Душой султана завладели страх и убеждение в их храбрости, и, как говорят, он сказал своим приближенным, что не видел никого, кто мог бы сравниться с этими людьми мужеством, стойкостью перед тяготами войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом» [Ан-Насави 1973, с. 54]. То же пишет и Мирхонд: «Когда он (Мухаммад — Прим. авт.) увидел от столь небольшого войска такую ловкость, сомнения и несравнимый ни с чем страх поселились в его разуме» [Mirhond 1841, s. 77]. А с другой стороны, действия хорезмийской армии стали известны Чингиз-хану, и он мог сделать из этого выводы о военной слабости хорезмийской державы, несмотря на подвиги отдельных военачальников, в частности Джалал ад-Дина Манкбурны. «На четвертую ночь Джучи увел свои войска, прибыл в ставку Чингиз-хана и сообщил

ему о состоянии войск Хорезма и личной отваге Джалал ад-Дина Манкбурны» [Djuzdjani 1960, p. 269–270].

Указав причины монголо-хорезмийской войны, которые вытекают с одной стороны непосредственно из взаимоотношений монгольской и хорезмийской державы до 1219 г., а с другой из политических действий хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, выделим и причины иного характера. Речь пойдет о так называемом «внешнем факторе», то есть об участии в развязывании монголо-хорезмийского конфликта третьей стороны, заинтересованной в уничтожении одной из сторон, в данном случае хорезмийского государства. Ряд арабо-персидских источников указывает на заинтересованность в этом конфликте Багдадского халифа ан-Насира, а также давних противников хорезмшаха — исмаилитов Аламута. Сближение этих политических сил имело своей целью в том числе и противостояние хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду. Для самих исмаилитов Аламута налаживание диалога с Багдадом означало в большей степени решение вопроса выживания в неблагоприятной среде, однако у халифа были, по всей видимости, другие планы. «Политика сближения с мусульманами суннитами, предпринятая Джалал ад-Дином Хасаном, безусловно, благоприятно сказалась на развитии низаритской общины, в течение нескольких десятилетий до того находившихся в положении маргиналов — “еретиков”» [Дафтари 2004, с. 154–155].

Прежде всего, неудовольствие со стороны Ала ад-Дина Мухаммада вызвало следующее последствие этого сближения: во время хаджа 1212 г. он поставил караван матери Хасана, владыки исмаилитов Аламаута, впереди караванов других султанов и маликов. «В 609[1] году Хасан III отправил свою мать в паломничество. Халиф принял ее с уважением и дал ей подарок первенства в том, поставив над другими паломниками» [Kazvini 1903, p. 509]. Однако для владыки Хорезма гораздо более важным фактором стал отказ ан-Насира от признания определенных политических уступок, которых требовал от него Ала ад-Дин Мухаммад. «Когда авторитет султана возрос, и великим стало имя его … он начал энергично требовать господства и власти в Багдаде, таких же какие были у рода Сельджука. Он не раз отправлял послов с такой миссией, но не получил согласие на то, о чем просил. Между тем он не оставлял намерение получить то, чего хотел и считал, что наступит время, благоприятное для осуществления желания и достижения долгожданной цели» [Ан-Насави 1973, с. 57].

Окончательный разрыв с Багдадом, приведший к печально известному походу хорезмийской армии 1217 г., наступил после того, как Ала ад-Дин

[1] 3 июня 1212 г. — 22 мая 1213 г.

Мухаммад окончательно понял, что ан-Насир подстрекает против него не только исмаилитов, но и ближайших и других соседей хорезмшаха. В 1215 г., когда хорезмийские войска захватили Газну, в архиве султанов Гура была найдена их переписка с ан-Насиром, где последний подстрекал к войне с Хорезмом. «Ала ад-Дин Мухаммад узнал из захваченной дипломатической корреспонденции, что халиф в прошлом подстрекал Гуридов против него и теперь использовал исмаилитских ассасинов для устранения своих оппонентов. Вследствие этого его антихалифская позиция усилилась, он был не в состоянии рассчитывать на суннитское течение, и поэтому шах принимает шиитский курс. Он потребовал фетву от религиозных авторитетов своей империи, провозглашающую, что ан-Насир неспособен к управлению и что Аббасиды узурпировали Халифат от дома Али, и он объявил сейида Ала аль-Мулька Термези антихалифом» [Cambridge History 1968, p. 184].

Следующим шагом со стороны Ала ад-Дина Мухаммада станут военные действия: им был организован в 1217 г. поход с целью захвата Багдада. По всей видимости, письма стали последней каплей, после которой хорезмшах осознал, что обратного пути нет, начав в 1217 г. поразивший современников поход хорезмийских войск на Багдад. «Он послал перед собой такое количество войска, что им были заполнены степи и пустыни, но даже и они, при всей своей обширности, не могли его вместить» [Ан-Насави 1973, с. 64]. Однако из-за погодных условий поход оказался неудачным, и решить проблемы во взаимоотношениях с халифом силовыми методами хорезмшах не смог. «Султан направился из Хамадана в Багдад… Добравшись до труднопроходимого прохода Асед-Абад, он не нашел дороги из-за снега. Все армейские лошади умерли, и он потерял много людей. Поневоле султан повернул к Хамадану, после чего его престиж упал, и он не считал больше свои замыслы против Багдада хорошими» [Kazvini 1903, p. 397].

Ряд арабо-персидских источников подчеркивает тот факт, что после прямой военной угрозы со стороны Хорезма ан-Насир начал искать себе новых союзников на Востоке для устранения хорезмийской угрозы, и таковыми стали монголы. В историографии вслед за написанным В. В. Бартольдом утвердилась точка зрения, что сама возможность посольства ан-Насира к монголам с целью подтолкнуть последних к войне с Хорезмом более чем сомнительна. «Едва ли поэтому следует придавать значение известию, будто монголов призвал против Хорезмшаха халиф Насир. Подробный рассказ об этом мы находим только у Мирхонда; в XIII в. Это известие существует только в виде неопределенных слухов, которые при враждебных отношениях между халифом и Хорезмшахом не могли не возникнуть. Таким же образом в Европе приверженцы папы утверждали, что монголов призвал

Фридрих II, а приверженцы императора обвиняли в том же самом папу. Халиф действительно искал себе союзников среди восточных соседей Хорезмшаха и с этой целью отправлял послов сначала к Гуридам, потом к Кучлуку; но нет основания полагать, что он обращался к содействию восточноазиатских государей» [Бартольд 1963, с. 467].

Действительно, многие из средневековых арабо-персидских историков вовсе не упоминают даже о возможности такого посольства: так, например, Хамдаллах Казвини в своем сочинении в разделе, посвященном биографии ан-Насира, пишет лишь о том, что в его правление «Чингиз-хан подчинил своей власти земли Ирана и Турана» [Kazvini 1960, s. 366] и никакого упоминания о роли в этом халифа мы не находим. Однако можно назвать и таких арабо-персидских историков, которые упоминают о подобной возможности: среди них Ибн ал-Асир [Ибн ал-Асир 2006, с. 348], ал-Макризи [Буниятов 1986, с. 125] и Ибн Васил [Буниятов 1986, с. 126]. В то же время детальное описание этого посольства мы видим в трудах Абу-л-Гази [Histoire des Mogols 1874, p. 521] и Мирхонда, при чем последний указывает даже посредника при переговорах между послом халифа и Чингиз-ханом. «Махмуд Ялвач понял значимость происходящих событий и в тот самый миг отправился доложить, что из столицы ислама, Багдада, прибыл человек и привез такого рода сообщение. Чингиз-хан к этому лазутчику обратился с речью: «Каково доказательство искренность твоих слов?». сказал: «Голову мою осмотри, чтобы истинность сказанного мной стала тебе известным, когда волосы с моей головы сбреешь — то послание увидишь. О том, что причина наших действий за пределами Альнахра[1] и Хорасана — желание уничтожить династию хорезмшахов» [Mirhond 1841, s. 105].

Подводя итоги, следует отметить, что главными причинами монголо-хорезмийской войны следует признать «Отрарский инцидент» и действия хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада в отношении посольства Ибн Кафраджа Богра. Если последнее не может вызывать каких-либо вопросов, то события в Отраре до сих пор остаются в определенной мере таинственными, прежде всего в отношении того, что же двигало на самом деле Ала ад-Дином Мухаммадом и Инал-ханом в принятии подобных решений. В свою очередь, битва на Тургайской равнине сама по себе была, на наш взгляд, лишь дополнительным поводом к войне, но не самостоятельной причиной. Наконец, можно указать на возможную заинтересованность в этой войне третьих сил, то есть исмаилитов Аламута и халифа ан-Насира, причем последний, по сведениям отдельных памятников, принял деятельное участие

[1] Имеется в виду Мавераннахр.

в разжигании конфликта между монгольской и хорезмийской державами. Учитывая вражду между ан-Насиром и Ала ад-Дином Мухаммадом, который пытался силовым путем решить свой конфликт с Багдадом, полностью исключать подобную возможность нельзя. Таким образом, неизбежное столкновение между монгольской империей и Хорезмом произошло в силу как внешних, так и внутренних факторов, связанных в большей степени с деятельностью Ала ад-Дина Мухаммада. Хорезмшах стал во многом заложником той внешней и внутренней политики, которую он проводил, что в свою очередь привело к гибели его державы в войне с монголами.

Библиография

1. Ибн ал-Асир 2006: *Ибн ал-Асир.* «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки. Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. Ташкент, 2006.

2. Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.

3. Буниятов 1986: *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М., 1986.

4. Дафтари 2004: *Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины. М., 2004.

5. Джувейни 2004: *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира. Пер.: Е. Е. Харитонова. М., 2004.

6. Джузджани 2010: *Джузджани.* Насировы разряды. Пер. под ред. А. А. Ромаскевича. М., 2010.

7. Ан-Насави 1973: *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Пер.: З. М. Буниятов. Баку, 1973.

8. Петрушевский 1977: *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 107–140.

9. Рашид ад-Дин 2002: *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер.: А. К. Арендс, Ю. П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров. Т. 1–2. М., 2002.

10. Al-Asir ibn 1849–1850: *Al-Asir ibn.* Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. T. XIII–XV.

11. Barckhausen 1935: *Barckhausen Joahim*. L'empire jaune de Genhis-Khan. Paris, 1935.

12. Cambridge History 1968: *Cambridge History of Iran*. Ed. J. A. Boyle. Vol. 5. Cambridge, 1968.

13. Djuveini 1959: *Djuveini.* The History of the World-conqueror. Trad. J. A. Boyle. Vol. 1–2. Manchester, 1959.

14. Djuzdjani 1960: *Djuzdjani.* Tabakat-i Nasiri. Trad.: H. G. Raverty. Vol. 1–2. Calcutta, 1960.

15. Histoire des Mogols 1874: Histoire des Mogols et des Tatares par Abul-Gazi Behadour Khan. Trad.: B. Desmaisons. T. 2. St. Petersburg., 1874.

16. Kazvini 1903*: Kazvini Hamdallah.* Tarihi gouzide. Trad.: Y. Le Strange. Vol. I. Paris, 1903.

17. Kazvini 1960: *Kazvini Hamdallah.* Tarih-e gouzide. Tehran, 1960.

18. Khondamir 1954: *Khondamir*. Tarih-e habib. Vol. 1–3. Tehran, 1954.

19. Mirhond 1840: *Mirhond.* La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1840.

20. Mirhond 1841: *Mirhond*. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1841.

21. An-Nasavi 1945: *An-Nasavi.* Sirat Jelaleddin ya tarikh-e Jelali. Tehran, 1945.

22. un-Nesevi 1934: *un-Nesevi Ahmed Sehabeddin.* Celaluttin Harezemsah. Trans. and annot. by Necip Asim [Yaziksiz]. Istanbul, 1934.

Dmitriy M. Timokhin

THE BACKGROUND OF THE MONGOL–KHWAREZMIAN WAR (1219–1221) ACCORDING TO ARAB–PERSIAN SOURCES

Abstract: *In this article the author considers the reasons of the beginning of mongol-khwarezmian war (1219–1221) as given by medieval Arab-Persian authors. These reasons are analyzed in detail, the author accentuates those of them which the Arab-Persian historians considered the main, and those that one can recognize as minor. Besides, the author specifies the debatable moments: in particular, the "Otrar incident" and the presumable embassy of the Caliph an-Nasir to Mongols are analyzed in detail.*

Keywords: *Horezm, Mongols, Chingiz-khan, Ala ad-Din Muhammad, Otrar, an-Nasir.*